

Устинова Юлия Николаевна

ПРАКТИКИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья раскрывает алгоритм проведения воинских захоронений и создания памятников павшим немецким солдатам на линии фронта в годы Первой мировой войны. Показано отношение немецкого общества к убитым на войне, которое трансформировалось из почитания смерти павшего на поле боя солдата до культа мертвых, когда гибель воина приравнивалась к жертве Христа и признавалась святым актом. Изложены особенности и сложности организации и обустройства могил. Приведены сведения о формах захоронений, схемах создания военных кладбищ в годы военного конфликта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 199-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. Вагапова Ф. Г. Синтез традиций в оформлении дореволюционных татарских сатирических журналов // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 4 (26). С. 277-280.
4. Вагапова Ф. Г. Становление искусства татарской рукописной и печатной книги XVII – начала XX в.: стилистика и символика: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. Саранск, 2015. 29 с.
5. Вагапова Ф. Г. Становление искусства татарской рукописной и печатной книги XVII – начала XX в.: стилистика и символика: дисс. ... к. искусствоведения. Казань, 2015. 234 с.
6. Гайнуллин М. Х. Галиасгар Камал (1879-1933): очерк жизни и творчества: к 100-летию со дня рождения. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 35 с.
7. Дульский П. М. Оформление татарской книги за революционный период. Казань, 1930. 24 с.
8. Ишмуратова С. Тукай ижаты иллюстрацияларда // Габдулла Тукай. Шагыйрьнең тууына алтмыш ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары. 1886-1946. Казан: Татгосиздат, 1948. Б. 230-248.
9. Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. 319 с.
10. Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 223 с.
11. Миннуллина Л. З. Татарские печатные календари XIX – начала XX в. Казань: Заман, 2016. 176 с.
12. Путешествие к Тукаю: каталог выставки / авт.-сост. и авт. вступ. ст. Д. И. Ахметова, О. Л. Улемнова, Г. М. Ханнанова и др. Казань: Заман, 2016. 408 с.
13. Сафиуллина Р. Р. Арабская книга в духовной культуре татарского народа. Казань: Алма-Лит, 2003. 214 с.
14. Тукай Г. Избранное: в 2-х т. Казань: Татар. кн. изд-во, 1961. Т. 2. 292 с.
15. Харитонов И. Н. Образцы мусульманских шрифтов. Казань: Типография И. Н. Харитоновой, [1909]. 16 с.
16. Червоная С. М. Искусство Татарии. М.: Искусство, 1987. 352 с.
17. Шакирджан Тагиров – педагог, просветитель, художник: к 150-летию со дня рождения / сост. В. Р. Тагиров, Р. Р. Султанова. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2008. 68 с.

PECULIARITIES OF TATAR BOOKS ILLUSTRATION IN THE 1900-1910S

Ulemnova Ol'ga L'vovna, Ph. D. in Art Criticism

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Tatarstan Academy of Sciences
oulemnova@mail.ru*

The article discusses peculiarities of Tatar books illustration by the example of Kazan editions. The author singles out the main types of illustrations and illustrated books, reveals prototypes in Russian and European book graphics, introduces new data for a modern researcher, substantiates a position that in the early XX century illustration became an important innovation in design of Tatar books, within which the first Tatar masters of fine art formed, determines the role of Tatar writers in development of the Tatar book illustration.

Key words and phrases: book illustration; book graphics; Tatar book; Tatar writers; Kazan printing houses.

УДК 9; 93:930.2

Исторические науки и археология

Статья раскрывает алгоритм проведения воинских захоронений и создания памятников павшим немецким солдатам на линии фронта в годы Первой мировой войны. Показано отношение немецкого общества к убитым на войне, которое трансформировалось из почитания смерти павшего на поле боя солдата до культа мертвых, когда гибель воина приравнивалась к жертве Христа и признавалась святым актом. Изложены особенности и сложности организации и обустройства могил. Приведены сведения о формах захоронений, схемах создания военных кладбищ в годы военного конфликта.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; мемориализация; практика захоронения; культ павшего солдата; военные кладбища.

Устинова Юлия Николаевна, к.и.н.

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
julija0404@rambler.ru*

ПРАКТИКИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-01-00399.

Смерть всех делает одинаковыми, вне зависимости от того, был ли это герой или жертва, победитель или проигравший. Достоинство человека в последний путь и соблюсти подобающий ритуал – заложено в коллективной памяти разных народов. Эта нравственная традиция играет роль незримой нити, связывающей несколько поколений, и является примером того, для чего живет человек, каков его долг перед семьей, перед Отечеством.

В Германии почитание культа павшего солдата состояло в прославлении жизни и смерти воина. Участием в войне солдат якобы освобождал себя от повседневной рутины. Через ощущение опасности конфликта он рос

над собой, и эта внутренняя борьба, его жертвенная смерть за Отечество признавалась святым актом. Так, прославляя смерть на поле боя, молодые воины готовились к ней, привыкали к мысли о ее неизбежности, тем самым смягчая свой страх перед сражением. Война преподносилась как событие космического масштаба, и гибелью на поле боя солдат увековечивал свою жизнь и смерть. И сам выступал священным героем. В Германии все граждане априори рассматривались как солдаты, в то время как, например, во Франции в каждом солдате видели гражданина [2]. Это обстоятельство становилось особенно заметным после Первой мировой войны, когда победа одного и поражение другого государства только усиливали национальный культ мертвых.

Первая мировая война стала конфликтом нового типа. С 1914 г. начали пересекаться частные истории семей и мировая история, и отныне никогда это не разделялось. В определённый исторический момент количество убийств в отдельных странах стало таким огромным, что ни одна из семей уже не смогла избежать беды. Во время великих потрясений, когда жертвы становятся неизбежны и их количество увеличивается, придерживаясь погребальных обрядов мирного времени становится все труднее.

В мирное время до 1914 г. проведение захоронений и уход за солдатскими могилами на территории Германской империи осуществляли специальные организации: «Центральное консультативное бюро» и провинциальные «Земельные консультативные центры» [1]. Четкой инструкции о порядке действия структур на период военных действий не существовало. Затянувшаяся война и неисчислимы масштабы трагедии поставили министерство внутренних дел Германии перед необходимостью внести изменения в практику организации захоронений в военное время, и особенно на линии фронта. Существовавший алгоритм организации захоронений в мирное время оказался не эффективным: в период маневренной войны было невозможно произвести учет всех подлежащих регистрации могил. Их идентификация осложнялась непрерывным перемещением войск, изменением района боевых действий, были перебои с доставкой, получением информации. Только позиционная война дала возможность позаботиться о проведении более тщательного захоронения солдат.

Весной 1915 г. стали появляться первые документы, регламентирующие порядок организации погребальных обрядов и ведения санитарного дела в военное время [Ibidem]. Огромное количество потерь, понесенных германским Генштабом, способствовало созданию в 1916 г. нового отдела в военном министерстве – Департамента по воинским захоронениям. Отныне организация и обустройство захоронений на линии фронта находились под контролем военных властей и подвергались строгой регламентации в течение всей войны. Непосредственно за уход и благоустройство могил были ответственны тыловые командиры. Однако отметим сразу, что прогноз кратковременной войны, пугающее количество жертв и столь значительное расширение театра военных действий не позволяли властям Германии вплоть до Второй мировой войны уделять должного внимания изучаемой проблеме в указанный период.

Проведение захоронений после боя имело свои сложности: кроме возможных неблагоприятных погодных условий, непредсказуемого ландшафта, изможденности солдат, отсутствия необходимого инвентаря и необходимости быстрой переброски войск, усеянное телами немецких солдат поле боя вынуждало командиров, несмотря на инструкции, прибегать к различным формам захоронений. Нередко свой последний покой солдат находил в общих братских могилах, так как описываемые обстоятельства не позволяли провести отдельные похороны каждого. К тому же заранее изготовленных гробов не хватало.

На линии фронта места захоронений возникали стихийно. Никто не думал и о придании могиле эстетического вида. В самые первые августовские дни 1914 г., если не находилось время для захоронения павших, их оставляли лежать там, где они умерли. «Краткая молитва, определение могилы крестом или деревянной табличкой, каска или оружие» [3, S. 18]. Могилы могли располагаться в еловом лесу, в нескольких метрах от фронтовой дороги, где они были защищены от снежной вьюги, в долине реки, где долгие месяцы шли тяжелые бои, в березовой роще или на лугу под дубом или старым тополем. Так стихийно появлялись первые захоронения.

Обозначить место захоронения было не менее важной задачей. Сотни тысяч могил оказались разбросаны, находились в труднодоступных местах.

Чтобы они не исчезли после войны, тыловые командиры были обязаны составлять специальные карты.

Определяющим критерием при оформлении захоронения являлась простота, что не требовало значительных затрат и было крайне актуально в военное время. Могила солдата – это «...простой примитивный земляной пригорок, украшенный небольшим деревянным крестом и каской павшего бойца... Ничего торжественного и волнующего» [Ibidem, S. 10]. Скромные кресты без пьедестала были характерны для могил рядовых солдат. Если позволяли условия и имелся некоторый инвентарь, то на «примитивных земляных пригорках» появлялись наспех установленные кресты, на которых обозначались имя, полк и воинское звание погибшего. Кресты изготавливались из железа или дерева, материал изготовления не имел никакой смысловой нагрузки [Ibidem, S. 9]. Этот ритуал проводился с одинаковой щепетильностью как для врагов, так и для союзников. На могиле противника могла значиться надпись «Здесь покоится неизвестный воин». Использовалось именно понятие «воин», а не «солдат», что подчеркивало степень уважения к солдату союзнической либо вражеской армии.

Оформление могил ещё зависело от удаленности фронта, близости расположения врага. Если позволяло время, то проводившие захоронение стремились каким-то образом обозначить свое отношение к умершему (служебное, товарищеское).

На протяжении всей войны уход за могилами павших немецких солдат, расположенными на территории противника или государств Тройственного союза, зависел от результата проведенных переговоров с соответствующими государствами. Между Австро-Венгрией и Германией имелось подобное соглашение, согласно которому обустройство собственных, союзнических и могил противника находилось в ведении

государства, на чьей административной территории находилось захоронение. Аналогичное соглашение было подписано и с болгарским правительством.

Так, в 1916 г. на берегу Дуная у Смедерево в знак памяти о верности оружейного братства в годы войны был воздвигнут памятник в честь мужественных героев, отдавших жизнь за переход через Дунай. Каждая могила была украшена цветами и имела у изголовья черно-белый крашеный крест, на каждом из которых отражено имя, ранг, день рождения и смерти солдата. И на каждой надгробной доске значилось: «Покойтесь с миром!». Можно встретить и такую надпись: «Неизвестный пехотинец». Здесь захоронено более 600 человек, преимущественно уроженцев земель Гессен и Бранденбург, а также граждане Австрии и Венгрии, мужественные сербы и русские [4]. Этот пример показывает, что в одной братской могиле вместе с немцами хоронили и солдат других национальностей. Однако чем сильнее была оборона, тем меньше появлялось смешанных солдатских кладбищ. Это захоронение еще является и примером военного кладбища.

Воинские захоронения оформлялись однотипно, однако такой вид сохранялся недолго. Вскоре могильный холмик исчезал, сравнивался с основным грунтом, легкий деревянный крест истлевал и падал. Чтобы после войны могила не оказалась неучтенной, министерство внутренних дел прописало особый алгоритм обращения с могилами, обнаруженными на линии фронта [3, S. 11].

Первым обязательным и строго подлежащим выполнению условием являлась узнаваемость могил и устанавливаемых памятников. Могилы должны быть так сооружены, чтобы не требовали особого ухода. Эстетическое и культурное воздействие могилы на окружающую природу должно определяться не ее размерами, а оформлением. Приветствовалась простота в оформлении. Вычурность, пышность и богатство считались синонимом агрессии. Изготовлению и установке памятников предшествовали соответствующие мероприятия. Предписывалось по возможности оставлять могилу там, где солдат обрел последний покой. Не желательным было ее перемещение с поля боя. Разрешалось ее расположить под старыми древесными насаждениями. Случайно обнаруженные во время войны на старых давно поставленных крестах надписи, заново высекались ножом, что позволяло избежать их порчи из-за плохих погодных условий [Ibidem, S. 14].

При большом количестве потерь рекомендовано придерживаться типичных простых захоронений, равномерно расположенных в ряд, одинаковой формы, что создавало характерную картину солдатского кладбища. Тогда солдат хоронили в общих братских могилах. При массовых жертвах отдельные захоронения были предусмотрены только в особых случаях, например, для совершивших героические подвиги.

Перезахоронения вообще проводить не рекомендовалось. Если возникала такая необходимость, призывали действовать внимательно и бережно. В местностях, по которым быстро прошла война и где могилы были разбросаны по болотам и покрытой водой местности, на краю дорог, на пашнях, лугах и в лесах, провести идентификацию тела героя не представлялось возможным, захоронения были общими. Перезахоронения в братские могилы из отдельных допускались также в случае, если имена воинов не были известны достоверно. Во время и после Первой мировой войны масштабы смерти были настолько велики, и так много останков солдат пропало без вести, что практически все участвовавшие в конфликте народы стали возводить так называемые гробницы неизвестных солдат. Вспоминали каждого, но не обращались ни к кому конкретно. Это был единственный способ мемориализовать в одном месте память об этом страшном времени.

Огромное количество потерь привело к тому, что постепенно на линии фронта основным видом захоронений становились братские могилы либо создавались военные кладбища. Вскоре это стало таким повсеместным явлением, что вызвало необходимость регламентации их оформления. Такой указ был издан кайзером Вильгельмом II 28 февраля 1917 г. В нем прописывались принципы создания мемориала [5, S. 61-65]. Примером такого сооружения может служить кладбище Лангемарк.

Территория кладбища ограничивалась стеной или могилами, что призвано подчеркнуть «сакральный» характер места захоронения. Большое внимание уделялось органичности и естественности сооружения. Посетитель кладбища должен почувствовать себя частью природы, осознать и принять, что смерть павших это «естественный процесс». Это понимание должно создать эффект успокоения, умиротворения и утешения.

Сам внешний вид кладбища должен аргументировано говорить о его «германской сущности», особой связи немецкой души с природой, в противоположность с «французским рационализмом». Поэтому и при оформлении массового места захоронения особую ценность имело использование природных материалов и ручная работа. Приветствовались «немецкие горные породы»: песчаник и, как немцы называют «местные» растения, вереск, дуб, липа. Изготовление изделий из бетона не допускалось.

Документом была утверждена особая форма памятника – дубовая «роща героев», автором которой стал Вилли Ланге. За линией фронта на территории Германии уже с 1915 г. стали появляться памятники с подобным названием. Место для их формирования тщательно выбиралось и подготавливалось, так как здесь планировалось проводить спортивные и христианские праздники, и под пение птиц, наслаждаясь шелестом ветра и рассматривая звезды на небе, думать о свершенном подвиге каждого немецкого гражданина, обсуждать христианские страдания товарищей и их воскрешение. Простота и единство в оформлении солдатских кладбищ позволили применить к ним понятие «братская могила».

Смерть солдата до войны 1914-1918 гг. никогда в Германии не ценилась так высоко. Смерть на поле боя получала сакральный смысл и всячески прославлялась. Под влиянием новых условий жизни изменилась и практика проведения захоронений, особенно это относилось к проведению погребальных обрядов на линии фронта. Тела павших солдат подлежали обязательному захоронению. Оформление надгробий было простым и однообразным. Время вносило свои коррективы, и постепенно стали появляться новые формы

захоронения: отдельно расположенная солдатская могила с надгробным земельным холмиком уступала место полноценному военному кладбищу либо братской могиле. Эти военные мемориалы представляли собой не только способ успокоения скорбящих, но и форму трансформации чувства горя в гордость за вклад каждого воина в борьбу за могущество империи в годы войны.

Список литературы

1. **Der Weltkampf um Ehre und Recht. Die Erforschung des Krieges in seiner wahren Begebenheit, auf amtlichen Urkunden und Akten beruhend** [Электронный ресурс]: 10 Bände / hrsg. von M. Schwarte. Leipzig – Berlin: Verlag von Johann Ambrosius Barth; Walter de Gruyter & Co, 1919-1933. Bd. 8. URL: <http://www.wintersonnenwende.com/scriptorium/deutsch/archiv/weltkampf/wer0000.html> (дата обращения: 02.11.2016).
2. **Koselleck R.** Der politische Totenkult. Kriegerdenkmäler in der Moderne [Электронный ресурс]. München: Wilhelm Fink Verlag, 1994. URL: <https://www.neue-politische-literatur.tu-darmstadt.de/index.php?id=1426> (дата обращения: 25.12.2016).
3. **Kriegergräber im Felde und Daheim. Jahrbuch des Deutschen Werkbunde 1916/17** / herausgegeben im Einvernehmen mit der Heeresverwaltung. München, 1917. 648 S.
4. **Reichspost.** 1916. Am 17. Dezember.
5. **Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V. Der Erste Weltkrieg:** Forum 14. Beiträge aus dem Symposium von 7. bis 9. Mai 2014 in Berlin. Kassel, 2014. 284 S.

PRACTICES OF MEMORIALIZATION IN GERMANY DURING THE FIRST WORLD WAR

Ustinova Yuliya Nikolaevna, Ph. D. in History

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
julija0404@rambler.ru

The article discloses an algorithm of military burials arrangement and making monuments to German soldiers fallen on the front line during the First World War. The paper shows attitude of the German society to the killed in the war, which transformed from worship of death of a fallen soldier on the battlefield to the cult of the dead, when death of a soldier was equal to sacrifice of Christ and was perceived as a sacred act. The article sets out features and complexity of organization and arrangement of graves. Information about burial forms, schemes of military cemeteries creation in the years of the armed conflict is given.

Key words and phrases: The First World War; memorialization; burial practice; cult of fallen soldier; military cemeteries.

УДК 316.34

Философские науки

Статья посвящена анализу роли социального мифотворчества в процессе конструирования идентичности казаков. По мнению автора, социальное мифотворчество синтезирует в единое целое мир казачьей культуры, сакральным центром которого становятся ценности казаков. На основании сравнительного анализа и методологии конструктивизма рассмотрены процессы использования мифотворчества со стороны социальных институтов в отношении казачества, что показывает причинно обусловленный характер идентичности казаков.

Ключевые слова и фразы: социальное мифотворчество; идентичность казаков; конструктивизм; этнический миф; автономизм; патриотизм; казачийство; казачество; неказачество.

Филимонов Андрей Викторович

Забайкальский государственный университет, г. Чита
A.V.Filimonov@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА НА ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАКОВ

Активизация деятельности организаций казаков, фиксируемая на территории России в течение последних лет, способствовала формированию таких направлений проекта «возрождения казачества», как «общероссийский патриотизм», «автономизм» и «казачийство», выражающих антиномичные оценки казаков со стороны разных общественных групп [27, с. 87]. Однако по традиции отечественной историографии казачество продолжает рассматриваться как уникальное российское явление, переживающее процесс естественного возрождения в рамках идентичности российской нации [8]. Однако этому убеждению противоречат многочисленные данные о том, что казачество не является только российским явлением, а имеет традиции на Украине, в Крымском ханстве, в Османской империи. Согласно этим сведениям, казачество хотя и является феноменом российской истории, однако нет оснований сводить казачество только к российскому казачеству, напротив, необходимо уделять внимание региональным идентичностям, характеризующим различные группы казаков [15].

Они отличаются большим разнообразием, включая радикальные направления современного казачества, одно из которых пытается конструировать новую историю независимого от России казачьего государства, которое здесь исчисляют со времени Золотой Орды. Особенной популярностью пользуются идеи формирования особой национальной (нерусской) идентичности в рамках создания независимой Казакии. Радикально